

КРЕМЛЁВСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЛЕВ
СУХАНОВ

КАК
ЕЛЬЦИН
СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ

ЗАПИСКИ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА

Лев Евгеньевич Суханов
Как Ельцин стал президентом.
Записки первого помощника
Серия «Кремлевский триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374217
Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника.:
Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-6993-5267-8

Аннотация

Лев Евгеньевич Суханов был бессменным помощником Ельцина с 1988 по 1997 год. Он являлся свидетелем опалы Б. Ельцина при М. Горбачеве, а затем его возвышения до председателя Верховного Совета РСФСР и президента Российской Федерации. В своей книге Лев Суханов рассказывает о самых острых моментах политической биографии Бориса Ельцина – об отставке с поста Первого секретаря МК КПСС, о покушениях на него, о выборах в Верховный Совет и роли КГБ в судьбе Ельцина, о его американских покровителях, об августе 1991 года, истинной роли Б. Ельцина в событиях, связанных с ГКЧП, и т. д. Книга содержит множество подробностей из жизни Б. Ельцина и его окружения, которые были

известны только автору, а также показывает закулисные стороны
головокружительной карьеры первого президента России.

Содержание

В самое пекло	5
Первая аудиенция	12
«Захват» Госстроя	19
Немного политики поднимает тонус	29
Кому нужна такая реабилитация?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лев Евгеньевич Суханов

Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника

В самое пекло

Горбачев – в Крыму, Ельцин – в Казахстане. И те, кто заварил переворот, конечно же, знали о датах возвращения обоих президентов. Однако Ельцин прилетел в Москву раньше – вечером 18 августа, как раз в самое пекло. Теперь уже известно, что по сценарию путчистов Горбачеву «светила» полная изоляция в Форосе, а вот какой жребий мог выпасть на долю Ельцина – об этом наверняка знали только сами заговорщики.

Российский Президент мог стать для них непреодолимой преградой, что позже со всей очевидностью и подтвердилось. Однако все по порядку...

Воскресенье, 18 августа, отдых президентов – Назарбаева и Ельцина. После тенниса мы выехали в Талгарский район – очень живописное место недалеко от Алма-Аты. В совхозе имени Панфилова посетили конезавод, где выращива-

ют племенных лошадей – призеров многих чемпионатов мира и Олимпийских игр. Полюбовались на многих тяжеловозов, горячих скакунов, тонконогих кобылиц. По народному обычаю, высокий гость должен дать имя молодой лошади, да так, чтобы в нем присутствовали буквы имен ее родителей. К Ельцину подвели жеребенка и назвали его родителей: Гизель и Снегопад. Буквально за считанные секунды Борис Николаевич придумал слово, в котором также присутствовали начальные буквы фамилий президентов – «Е» и «Н». Гинес – так назвал стригунка российский Президент. Затем прошли соревнования всадников, после чего символическая тройка, впряженная в карету, сделала по манежу круг почета. В ней восседали оба лидера.

В обеденный перерыв мы съездили на Медео, где услышали довольно подробный рассказ о том, как в 50-х годах строители защитили Алма-Ату от селя.

Во второй половине дня главы республик отдыхали в живописной долине – с фруктовыми деревьями, быстрой горной речкой, юртами в национальном убранстве. Возле одной из них была огорожена площадка, на которой выступали приглашенные артисты. Показали свой номер и президенты: пел и играл на домбре Назарбаев, аккомпанировал ему на деревянных ложках Борис Николаевич.

Ельцин и на этот раз не изменил своему правилу: искупался в горной речушке. Вода была ледяная, но исключительно прозрачная, с зеленоватым отливом.

В какой-то момент Назарбаев предложил Борису Николаевичу на пару часов отложить его отъезд, и, поскольку был выходной, Ельцин согласился. Сразу же дали команду главе МВД Казахстана перенести вылет Президента России. Впоследствии в Белый дом поступила информация, что самолет Ельцина, который должен был вылететь из Алма-Аты в 16 часов, вероятнее всего, был бы сбит. И это, по расчетам заговорщиков, стало бы «хорошим» поводом для оправдания чрезвычайного положения. Вот тогда руки членов ГКЧП были бы развязаны полностью.

У меня нет документов, подтверждающих готовившееся покушение на президентский самолет, но развитие последующих событий говорит в пользу этой версии. Почему самолет Ельцина не был сбит позже – это уже из той серии необъяснимых явлений, которые так настойчиво преследовали путчистов.

К себе домой я вернулся 18 августа в 22.55. Жена была на даче, и я, посмотрев «Вести», лег спать. И хотя ушедший день был суматошным, мне ничего не снилось. Однако ранний звонок был из области фантазмагорических снов: звонил Валерий Борцов (о нем я еще расскажу) и сказал, что, судя по всему, в стране произошел государственный переворот. Это было похлеще самого ледяного душа. И когда Валерий сказал о Лукьянове, заявившем, что-де Союзный договор в таком виде, как он был подготовлен в Ново-Огареве, подписывать нельзя, я окончательно поверил в возможность

мятежа. Один из политических мотивов путча был налицо: Союзный договор «в таком виде подписывать нельзя».

Моментально собрался и поехал в Белый дом. А там, несмотря на ранний час, уже находились помощники президента и почти весь Секретариат: Илюшин, Семенченко, Корабельщиков и другие. Естественно, всех волновала судьба Ельцина – где он, что с ним? Вскоре, однако, связь с его дачей в Архангельском была налажена, и Илюшин (зав. Секретариатом Президента) вместе с машинисткой отправился туда. Собственно, первые документы за подписью Ельцина там и родились.

Поскольку моего участия в этой работе не требовалось, у меня появилось «окно». События явно набирали ураганные обороты, и неизвестно, чем все это могло кончиться. Я посчитал нелишним повидаться с женой, взял служебную «разгонную» машину и отправился за город. Только мы выехали на Калужское шоссе (возле местечка Сосенки), как водитель говорит: «Смотрите, Борис Николаевич мчится!» С огромным трудом мы успели взять вправо, едва не став жертвой нашего шефа. Два правительственных ЗИЛа, в плотном окружении машин сопровождения с вооруженными людьми, пронесли мимо нас на бешеной скорости. Эскорт мчался во всю ширину магистрали. Зрелище было тревожно-величественное...

Встреча со Светланой была мимолетной. Как могли, успокоили друг друга и, попрощавшись, я поехал в Москву. На

Калужское шоссе мы выезжали вместе с танками. Они уже грохотали по Кольцевой дороге. Это было ужасное зрелище. Не прошло еще суток, как я любовался игривыми жеребятами, радовался шуму горной реки.

Мы выбрались на Минское шоссе (переходящее в Кутузовский проспект) и вместе с танками стали пробираться к центру.

Кое-как добрались до гостиницы «Украина», а дальше все движение было блокировано, то есть весь мост (от гостиницы «Украина»), вся площадь, все улицы у здания СЭВ и гостиницы «Мир» заняты танками. Я отпустил машину, а сам – через мост – побежал к Белому дому.

Люди уже заполняли пространство у Верховного Совета России, уже слышались крики в сторону танков, кто-то плакал – картина жуткая. Я подбежал в тот момент, когда Борис Николаевич взбирался на танк. Именно с брони прозвучало первое обращение к народу, произнесенное Президентом России. Рядом с Борисом Николаевичем находился его телохранитель Саша Коржаков, вся ельцинская охрана, генерал Кобец, которого сначала не хотели пускать на танк, полагая, что это язовский генерал...

И, наверное, именно в то мгновение, когда я смотрел на Бориса Николаевича, на его напряженное лицо и ловил каждое его слово, пришло окончательное решение написать о нем книгу, если конечно, останусь жив...

Ведь я находился с ним рядом с самого начала, когда Бо-

рис Николаевич был «один в поле воин». И я, как мог, помогал ему.

Когда Ельцин шел к цели, ему здорово мешали, а значит, мешали и мне. Когда его имя предавали анафеме, она распространялась и на мое имя. Когда ему не везло – не везло и мне. Я пытаюсь рассказать о Ельцине с точки зрения человека, который волею судеб находился с ним рядом: и в моменты его падения, и во время его высочайшего взлета. Всем, разумеется, любопытно узнать – каков он в жизни, в быту, в семейных отношениях, каковы его пристрастия и слабости. Но я, наверное, сильно разочарую тех, кто надеется найти в этой книге какие-то особо пикантные моменты из жизни Президента. Хотя вся его жизнь – сплошной «пикантный» момент.

Ельцина часто упрекают в своеволии, и я должен подтвердить – порой он действительно бывает своевольным и потому непредсказуемым. Но, по моему глубокому убеждению, его своеволие и непредсказуемость являются неплохим защитным средством от сонма подхалимов и царедворцев, пользующихся его отзывчивостью на доброе слово и дружеский жест.

Я рассказываю только о тех событиях и встречах, участником которых был сам и о чем знаю не понаслышке... Я сознательно ставлю перед собой задачу давать обстоятельные оценки отношениям Бориса Николаевича с М.С. Горбачевым и другими современными политическими лидерами,

не пытаясь что-либо опровергать или утверждать, подчиняясь эмоциональному порыву. Хотя, честно говоря, такое желание иногда бывает очень сильным.

Первая аудиенция

По меркам застоя у меня просто безукоризненная биография. Отец 40 лет проработал на московском «Электrozаводе», мать – 20, а старший брат Игорь – кругленьких

50. В общей сложности наша семья отдала «делу пролетариата» 110 лет жизни. Я же, закончив Московский архитектурно-строительный техникум, а затем вечернее отделение Московского инженерно-строительного института, как бы автоматически оказался причисленным к категории «советская интеллигенция». В моей анкете значилось, что я, Суханов Лев Евгеньевич, – сын добропорядочных родителей-пролетариев, член партии, не еврей, ну и т. д. Плюс к этому заграничная командировка – два года работы на Кубе. Как инженер-строитель, после окончания в 1966 году института, я был направлен на Остров свободы реконструировать сахарные предприятия.

Хочу подчеркнуть, что поездка на Кубу была чистой случайностью, обусловленной нашей суровой действительностью. Когда у нас со Светланой родился сын Вадька, тут же ребром встал вопрос: как сочетать крохотные размеры нашей хрущевской квартирki – 32 кв.м. – с прибывающим семейством? Выход был один: поехать хоть к черту на кулички, лишь бы заработать денег на кооперативное жилье. Кто-то подсказал адрес: Дагестан, Строительство Чиркейской ГЭС.

Вот туда я и наострился. Но в отделе кадров моего НИИ знакомый столоначальник резонно у меня полюбопытствовал: зачем, мол, ехать зарабатывать деньги на юг, если то же самое можно сделать на Западе. «Где конкретно?» – поинтересовался я, хотя от кого-то уже слышал, что готовился «десант» из специалистов нашего НИИ на Кубу. Ну да, Куба – что же еще? Остров свободы – пальмы, подводное плавание, которое меня так же влекло, как футбольное поле. (Кстати, за успехи в игре за сборную команду советской колонии на Кубе я был награжден Почетной грамотой.)

Возвращение в Москву было отмечено небольшим повышением по службе. Я стал старшим инженером, хотя на серьезный рывок в карьере тогда особенно не рассчитывал, поскольку был беспартийный. В апреле 1974 года нас, троих молодых специалистов, вызвал к себе секретарь парторганизации и сказал, что, мол, Черемушкинский райком «завалил план по интеллигенции». И поэтому в тот же вечер мы должны были проштудировать Устав партии, хотя бы перелистать программу КПСС и вызубрить наизусть несколько цитат из классиков марксизма-ленинизма.

На следующий день состоялось партбюро, и нас оптом приняли в кандидаты. И, действительно, вскоре после окончания кандидатского стажа меня повысили в должности, и я стал главным инженером проекта. Чтобы читатели лучше представляли, о чем идет речь, назову несколько объектов, на которые работал наш НИИ: КамАЗ, ВАЗ, Бхилайский ме-

таллургический завод в Индии, такой же завод в Новой Гуте в Польше и другие.

Оглядываясь назад, ловишь себя на ощущении какой-то фатальной взаимосвязи всех служебных и личных «преобразований». Как будто нарочно все делалось для того, чтобы я рано или поздно попал на работу именно в Госстрой, а там – «в руки» Ельцина. Однажды мне оттуда позвонили и сказали, что приглашают на работу – старшим экспертом. Я был, конечно, удивлен и вместе с тем польщен – как-никак Госстрой считался нашей головной организацией. И я начал работать в отделе типового проектирования. Через два года моего начальника Алексеева назначают заместителем председателя Госстроя СССР. Как-то вызывает меня Алексеев к себе и без предисловия предлагает стать его помощником.

– Виталий Александрович, – говорю ему, – я ведь инженер, мое дело – проект, экспертиза...

Но в ответ на мой лепет он выдвигает, кажется, неотразимый аргумент: зарплата – 400 рублей, спецпак, лечение в первой поликлинике Минздрава, кое-какие льготы для семьи и другие «мелочи».

Вечером дома устроили совет. Но советская действительность дамокловым мечом висела над нашей жизнью. Я был против, жена – «за». Так я стал «профессиональным» помощником.

Однако через два года в Госстрое началась новая перетряска кадров. Может, помните угрожающую ситуацию на

Атоммаше, когда случились грунтовые просадки и другие конструктивные срывы? Обвинили проектировщиков, экспертов и самого председателя Госстроя Новикова, которому из-за этого пришлось уйти на пенсию. ЦК КПСС на его место назначил свердловчанина Башилова, который со своим замом Алексеевым так и не нашел «общего языка». Словом, Алексеев «слетел», а я остался без работы. Нет, меня не уволили, но и конкретного дела тоже не было. В конце концов я стал помощником у другого зампреда – Ищенко.

Когда началась перестройка, многие большие чины, стали стремительно вылетать из своих кресел. Председатель Госстроя Башилов тоже «не справился с работой» (как будто был на Земле человек, который мог справиться с архигромоздкой строительной отраслью), и его оформили рядовым министром. А на должность председателя пришел Баталин, тоже из Свердловска. Это был декабрь 1987 года.

Позади уже остались октябрьский Пленум ЦК КПСС и ноябрьский МГК, которые сокрушали Ельцина. Словом, два поезда вышли в неизвестном направлении, один из которых все же докатил до какого-то пункта, а другой еще маневрировал между тупиками, подчиняясь воле некомпетентных диспетчеров...

Однажды мы сидели всей семьей за ужином, когда по ТВ объявили о том, что Борис Ельцин, освобожденный от должности первого секретаря МГК, назначается первым заместителем председателя Госстроя СССР – министром СССР. (Та-

кой должности в Госстрое не было и ее «придумали» специально для Ельцина.) Тут я и сказал жене: «Вот увидишь, буду работать помощником у Ельцина». Это было интуитивное, совершенно ни на чем не основанное предположение. Светлана, хотя и усомнилась в реальности такого исхода, все же предостерегла: «Ты, мол, выбрось это из головы... Если при Ищенко у тебя были выходные, то с Ельциным, будь спокоен, их у тебя не будет и на нашем огороде можешь поставить крест»... «Ладно, – говорю, – раньше времени не паникуй... Поживем – увидим».

Когда утром пришел на работу, почувствовал, как уже гудит весь Госстрой. В каждом углу шушукались: «Ельцина назначили, Ельцина назначили»... При одном только упоминании его имени многих бросало в дрожь. Как же – кандидат в члены Политбюро, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Моссовета...

Вообще ситуация сложилась нештатная: в кресло чиновника, хотя и высокопоставленного, должен сесть один из небожителей партийного Олимпа. Кто-то молча ему сочувствовал, кто-то попросту боялся. Ведь все же знали его непримиримость к номенклатурным привилегиям, к нерадивым работникам, отбывающим службу как наказание.

Что же касается меня... Пожалуй, о Борисе Николаевиче я тогда знал столько же, сколько знал о нем любой москвич. К тому времени уже говорили о его борьбе с торговой мафией, резких, независимых высказываниях в адрес партийного

аппарата. Более того, в начале 1987 года Ельцин провел шумевшую встречу с пропагандистами страны. Как рассказывал Бунич (он приезжал после этого к нам в Госстрой и поделился впечатлениями об этой встрече), собралось более 1000 человек, которые по роду своей деятельности должны были нести «заветы» партии в народ.

Встреча проходила в Доме политпросвета и продолжалась шесть часов. Наверное, это было одно из первых публичных выступлений Ельцина, когда он позволил себе говорить такое, что в то время даже не каждый диссидент мог принародно произнести. Такого у нас еще не случалось, чтобы кандидат в члены Политбюро собрал под одной крышей столько пропагандистов и на пределе откровенности говорил с ними несколько часов. И Бунич подтвердил, что он никогда не слышал, чтобы человек из Политбюро так свободно и демократично общался с аудиторией.

В начале января меня вызвал к себе управляющий делами Госстроя и поставил в известность, что меня хотят рекомендовать на должность помощника Бориса Ельцина. Рекомендовать, и только, поскольку назначает сам Ельцин. Я попросил сутки на обдумывание, хотя про себя уже все решил. Вечером я провел формальные «консультации» с женой, выслушав все ее «про» и «контра». Она говорила то, что я уже знал: Ельцин привык работать до упора, он просто не может не работать по выходным. И еще, говорят, что Ельцин крутой человек, жесткий руководитель, с которым не каждый может

сработаться. Я Светлане назвал плюсы, о которых знал тоже понаслышке. «Решай сам», – сказала Светлана.

Мы еще немного посидели, поговорили, обсудили возможные проблемы и пошли спать. Конечно, я долго не мог заснуть. Вроде бы все уже решил, а все равно сомнения одолевали. На следующий день я пришел к заместителю управляющего делами Н.Г. Павлову и дал официальное согласие быть помощником Ельцина.

«Захват» Госстроя

В один из январских дней к нам приехал начальник личной охраны Ельцина Ю.Ф. Кожухов. Это была своего рода разведка, так как он уже знал о моей кандидатуре. Хотел, наверное, посмотреть на будущего помощника своего шефа, поближе познакомиться. Лично мне Юрий Федорович сразу понравился: симпатичный парень, с приятным взглядом, рослый, спортивного вида. Мы с ним поздоровались, затем уселись рядышком, и он мне говорит: «Лев Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, немного о себе». И я ему в двух словах поведал свою жизнь: «Вырос на Пресне, гонял с мальчишками в футбол, перворазрядник, закончил строительный институт, 23 года прослужил в ЦНИИ «Проектстальконструкция», которым руководил академик Мельников, и вот уже десять лет – в Госстрое. Что еще?» Он мне: «Ну, в общем, нам это уже известно... А как вы относитесь к политике?» Я пожал плечами: мол, как и все, нормально.

На этом наш разговор с начальником охраны Б.Н. Ельцина закончился. А когда он уезжал из Госстроя, я передал ему пачку писем, которые уже стали поступать на имя Бориса Николаевича. Через какое-то время Юрий Федорович снова звонит и предупреждает: «Ельцин приступает к работе в Госстрое...».

И вот утром 8 января мы с Николаем Григорьевичем Пав-

ловым «сосредоточились» в небольшой приемной будущего кабинета Бориса Николаевича Ельцина. Ждем. Поглядываем на часы и почему-то оба больше обычного говорим. Председатель Госстроя отсутствовал. В офисе пронесся слух, якобы Ельцин уже побывал у Баталина и что они еще по Свердловску друзья. Однако впоследствии Баталин нелучшим образом проявил себя в отношении Бориса Николаевича, о чем я еще расскажу.

Представьте себе ситуацию: на улице Пушкина (на ней находился Госстрой) и примыкающей к ней улице Москвина в одно мгновение прерывается все движение, дается «зеленый свет» для правительственного кортежа. Все ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраной. В самом Госстрое тоже стоит жуткий переполох – на работу прибывает кандидат в члены Политбюро. И не ктонибудь из «старцев», а сам смутьян Ельцин.

Машины подъехали к правительственному подъезду Госстроя, из ЗИЛа вышел Борис Николаевич и в сопровождении охраны поднялся на четвертый этаж. В приемную сначала вошли телохранители, за ними – Ельцин. Подтянутый, в элегантном темно-синем костюме, белоснежной сорочке и стильно подобранном галстуке. И седин тогда у него было намного меньше...

Когда меня представили, Борис Николаевич протянул руку и пристально посмотрел в глаза. Потом я не раз был свидетелем этого «рентгеновского взгляда» – его коронного, без-

ошибочного, как он считал, метода распознавать людей. И я должен подтвердить, что ошибался он действительно редко, хотя считаю, что не каждый, допустим, стеснительный человек, способен ответить таким же открытым пронизывающим взглядом...

Павлов открыл кабинет, и высокий гость, уже на правах хозяина, вошел в него. Затем они с Павловым остались наедине и беседовали около часа. И вот, когда Павлов вышел оттуда, меня пригласил Ельцин. Три его телохранителя вместе со своим начальником остались в приемной, а я пошел на первую свою аудиенцию к Ельцину.

Захожу. Он сидит не за рабочим столом, а за тем, что слева от входа для заседаний. Еще раз пожал мне руку, еще раз пристально посмотрел в глаза и предложил сесть. Взгляд его я выдержал и, сдерживая легкое волнение, устроился напротив. Затем он открыл лежащую перед ним мою анкету и стал читать.

— Ваша анкета, — сказал он, — пожалуй, лучшая рекомендация... Вы проработали много лет в НИИ у академика Мельникова, я хорошо его знаю, это порядочный человек, крупный ученый и сильный руководитель.

Ельцин отодвинул бумаги и попросил рассказать о себе. Что я мог ему открыть нового, кроме того, что уже говорил начальнику его охраны? Коренной москвич, родился 1 июня 1935 года, «Близнец», родители всю жизнь работали на «Электrozаводе»... И вдруг он резко сменил тему разго-

вора. Стал интересоваться – какие участки работы мне больше всего знакомы? Я ответил: «Проектирование, экспертиза, наука». Тогда он завел разговор об экономическом подразделении, но я ответил, что экономикой не занимался и что эта сфера целиком находится в ведении зампреда Бибина.

Борис Николаевич слушал так внимательно, что у меня невольно создалось впечатление, будто это какое-то наигранное, нарочитое, что ли, внимание. Потом, конечно, я разобрался: Ельцин, когда разговаривает с кем-то (причем любого ранга), всецело поглощен этим человеком. Довольно редкая черта.

После того, как мы довольно обстоятельно поговорили о производственных делах, он перешел за свой рабочий стол, а меня усадил напротив. Оглядел потолок, стены, шкафы, и в его лице что-то дрогнуло. Я почувствовал, что ему наш офис не очень уютен. Возможно, он сравнивал его с недавно покинутыми апартаментами МГК... Но недолгим было то замешательство – неожиданно он перешел к важному для меня разговору. «Знаете, Лев Евгеньевич, – сказал он, – я привык со своими помощниками быть откровенным. Иногда я им доверял такое, что не всегда доверишь собственной жене. Я сам предельно искренен со своими помощниками и поэтому вправе требовать того же и от них. Не терплю лести, – продолжал Борис Николаевич, – не люблю лицемерия и ненавижу трусость».

Я выслушал и ответил примерно в том же духе: меня, мол,

ваши принципы вполне устраивают, потому что я тоже, кажется, не трус, не лицемер и, смею надеяться, честен.

И Борис Николаевич заключил наш разговор словами: «Ну, что ж, эти принципы нам близки обоим, будем работать». При разговоре у меня не возникло никаких отрицательных ощущений, но вместе с тем не было и легкости. Однако я понял главное: мы внутренне приняли друг друга.

Когда Борис Николаевич уехал (а был он в Госстрое неполный рабочий день), ко мне сбежались коллеги и стали расспрашивать. Многие из них не одобрили мой выбор, но я не стал им объяснять, что в данном случае выбираю не я...

На следующий день из спецполиклиники к нам приехали лечащий врач Ельцина, заместитель заведующего отделением, а также диетолог, отвечающий за рацион питания кандидата в члены Политбюро. Номенклатурная машина работала четко. Весьма напористо эти люди стали давать нам наставления. Проверив в столовой блюда, гости нашли их не соответствующими стандарту «олимпийской кухни» и в связи с этим сделали необходимые рекомендации. Это было странно и неожиданно.

Дальше – больше: открытым текстом заявили, что за здоровье Бориса Ельцина мы отвечаем головой. Заставили нас повесить в его кабинете аптечку с широким набором лекарств, оборудовать сигнализацией его рабочий стол и стол заседаний, чтобы в случае необходимости можно было быст-

ро вызвать помощника или секретаря. И поскольку мой кабинет находился не рядом с кабинетом Ельцина, его тоже оборудовали прямой звонковой связью. В комнате отдыха порекомендовали поставить диванчик, на случай внезапного недомогания. Все это для нас, естественно, было непривычным и вызывало досужие разговоры.

Наконец мы приступили к работе. Я съездил в МГК и взял там образец так называемой «шахматки», с помощью которой проще осуществлять планирование. Ельцин к этому методу уже привык, и я впоследствии тоже понял преимущества «шахматки». День и неделя у него были «разбиты» вплоть до 15 минут.

Начал Борис Николаевич со знакомства с руководителями и ведущими специалистами подразделений, которые входили в его компетенцию. Беседовал с ними обстоятельно, стараясь разобраться в тонкостях работы. Затем начались встречи с людьми. Собирали коллективы и работали по системе: вопрос – ответ.

Он тяжело входил в новые обязанности и весь январь и февраль чувствовал себя скверно. На службу являлся уже уставшим: под впечатлением случившихся с ним передрыг он потерял сон. По-настоящему еще не отошел от октябрьского Пленума ЦК и ноябрьского МГК, а впереди уже маячила новая «разборка» – февральский Пленум ЦК.

Я, как мог, отвлекал его: то дружеское письмо положу ему на стол, то соединю по телефону с каким-нибудь интерес-

ным собеседником, а то какую-нибудь любопытную тему ему «подкину». И часто он на это живо откликался. Все эти маленькие хитрости как-то положительно на него действовали, а общение с людьми имело для него буквально терапевтический эффект. На работу я обычно приходил на 20–30 минут раньше Бориса Николаевича. Иногда он просил принести ему чай или кофе. Просматривал прессу, которую я каждое утро оставлял на его столе. Потом он приглашал меня к себе в кабинет, и мы вместе планировали текущие дела.

В конце 1987 года (еще до прихода в Госстрой) изза непрекращающихся стрессов он попал в больницу, где его пичкали такими дозами лекарств, которые могли быть смертельными для менее устойчивого организма. Будучи в Испании, он рассказал, какие дозировки баралгина ему прописывали московские врачи, – испанские медики были поражены до крайности...

Ребята из его личной охраны вспомнили, в каком состоянии находился Борис Николаевич, когда его привезли на ноябрьский Пленум МГК. Он походил на абсолютно нетранспортабельного, тяжело больного человека. Так наши эскулапы с помощью лошадиных доз релаксантов ставили его «на ноги»...

...После февральского Пленума (1988 г.) ЦК КПСС, когда утром он пришел на работу, на нем не было лица. Все это напоминало финал какой-то зауспокойной мессы, которую ему «промузицировали» коллеги по Политбюро. Да, он

оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного ЗИЛа, без личной охраны...

В нем как будто еще жили два Ельцина: один – партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющий, когда все это отнимают. И второй Ельцин – бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры, навязанные системой. И эти два Ельцина боролись, и я не возьму на себя большой грех, если скажу, что борьба была жестокой, а победа отнюдь не молниеносной. Ведь пересев из ЗИЛа в «Чайку», он не стал более свободным и независимым от номенклатурных связей. Но все дело в том, что процесс-то уже начался, и как, должно быть, он потом над собой издевался, вспоминая свою оторопь в первые мгновения пребывания за пределами партийного Олимпа, который он ненавидел, но к которому он был еще незримо прикован.

Почти весь 1988 год Ельцин находился под психологическим прессом, что, однако, не мешало ему заниматься текущими делами. Пройти «через Ельцина» какому-нибудь захудалому проекту было так же трудно, как вспять повернуть северные реки. А между прочим, этот сумасшедший проект уже обсуждался в Госстрое, как и строительство промышленных предприятий на Байкале или проблемы на просадочных грунтах Атоммаша. Ельцин был категорически против этих проектов, писал докладные, звонил знакомым министрам, связывался с самим Рыжковым. Тот, к его чести, всегда выслушивал Бориса Николаевича и обещал помочь... По

мере того, как последствия февральского Пленума уходили в прошлое, Ельцин обретал большую уверенность. В чем это выражалось? Только в одном – полном, с головой, уходом в работу. Если перечислить все вопросы, которые за день должен был решать первый зампред, пришлось бы посвятить этому целый фолиант. Правда, много времени сгорало впустую. Одни только заседания в кабинете Баталина чего стоили, особенно помпезные коллегии. И хотя Юрий Петрович считался весьма грамотным руководителем, им безраздельно владела одна страсть – самолюбование. Это были не коллегии, а нечто напоминавшее театр одного актера, продолжавшийся по 4 и более часов. Выдерживать это Борису Николаевичу было непросто. И действительно, после каждого такого заседания Ельцин возвращался к себе с жуткой головной болью. К тому же стало известно, что Баталин получил сверху команду – собирать на Ельцина компромат. Это было несложно «расшифровать»: в глаза бросалась резкая перемена отдельных руководителей и, в первую очередь, замов Баталина. Даже мои коллеги помощники стали вдруг отводить от меня взгляды и потихоньку избегать. «Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью. Борис Николаевич сильно переживал.

Но по мере того как шел поток писем, в которых люди выражали ему поддержку, по мере того как удавалось одер-

жать хоть маленькую победу, зарубив какой-нибудь головотяпский проект, – настроение несколько улучшалось, и мы позволяли себе помечтать о будущем. Я уже говорил, что Борис Николаевич получал колоссальный оптимистический заряд от общения с людьми. Однажды секретарю Тане позвонил один человек из Брянска. Это был Илья Иванович Малащенко – подполковник в отставке, очень энергичный и непременно желающий лично лицезреть Бориса Николаевича. Таня соединила гостя со мной, и я, естественно, у него поинтересовался: кто, откуда и какой у него вопрос к Ельцину? Гость ответил, что он юрист и в Москву приехал только за тем, чтобы увидеть Ельцина и пожать ему руку. Я заказал пропуск и через пару минут встретил его на четвертом этаже.

Борис Николаевич, когда я ему рассказал о визитере из Брянска, согласился его принять. Беседа длилась несколько минут, в течение которых Малащенко лаконично, посолдатски четко объяснил Борису Николаевичу цель приезда и в очень сжатых выражениях изложил свое к нему отношение. А сказал он примерно следующее: «Борис Николаевич, я целиком на вашей стороне и у нас в Брянске таких, как я, много. Держитесь, мы вас не оставим в беде».

Тогда я почувствовал, что, если Ельцину не дать простора, лишит непосредственного контакта с людьми, он в своем кресле просто зачахнет. Конечно, он тоже это прекрасно понимал, тяжело переживал и ломал голову – как выйти из этого тяжелейшего ступора?

Немного политики поднимает тонус

В разговорах Ельцина все чаще стало появляться словосочетание «XIX партконференция». И, возможно, тогда, в одной из наших вечерних бесед, начала вырисовываться тактика на ближайшее будущее. А почему бы, решили мы, для начала не возобновить активные встречи с избирателями? Ведь Борис Николаевич еще был действительным депутатом Моссовета, и избрало его население микрорайона Раменки. Это 75 тысяч жителей, текстильное предприятие, завод счетных приборов и электромеханический... Тем более, в Раменках его знали: Ельцин как депутат помог там построить универсам, поликлинику, детсад с бассейном, школу, подключил Мосстрой к реализации наказа избирателей. При встрече с ними он предупредил: я свое обещание сдержу, но и вы должны провести озеленение микрорайона, благоустроить... «И давайте, – сказал он, – соревноваться – кто первый сдержит данное слово».

Мы определили день приема избирателей – по четвергам и в один из них приехали в Раменки. Борис Николаевич обошел весь микрорайон и убедился, что избиратели тоже умеют держать слово. Радовали глаз просторный стадион, обильные зеленые насаждения и свежие газоны.

Постепенно связь с избирателями переключилась на меня. Люди звонили в Госстрой, и неизбежно пришло время, когда туда стали приезжать наиболее активные. Началась предвыборная работа. Раменки стали тем небольшим плацдармом, откуда Ельцин ввязался в «упорные бои» с номенклатурой. Борьба пошла за голоса избирателей. Это во многом позволило ему выжить психологически, а главное – обрести в себя веру.

Как бы там ни было, три месяца он отработал в Госстрое и, кажется, потихонечку начал приходить в себя. Вообще, будучи человеком чрезвычайно впечатлительным, он первые удары судьбы воспринимал весьма болезненно, но зато потом, внутренне сгруппировавшись, обретал феноменальную устойчивость. А тут «подарок судьбы»: первомайское поздравление от Александра Яковлева, Анатолия Лукьянова и Николая Рыжкова. Жест малообъяснимый, если учесть обстоятельства конфликта между Ельциным и Политбюро. Возможно, это была всего лишь дань традиции номенклатурных структур – поздравлять товарищей по партии, даже если к этому времени они «вышли из игры». А возможно, аппарат без ведома своих хозяев, чисто механически, разослал поздравления, особо не вникая в их содержание, по старым спискам. Впрочем, в это почти невозможно поверить, ибо на том уровне, откуда был «спущен» Ельцин, таких промахов отродясь не бывало. Там все железно взаимоувязано и без поворота главного маховика ни один винтик не закрутится.

То, что поздравление пришло от Яковлева, — это еще как-то можно было объяснить, он всегда отличался независимостью суждений. Николай Рыжков — земляк Ельцина и при его щепетильности не послать поздравление, хоть и опальному, но высокопоставленному своему подчиненному, тоже было бы верхом некорректности. Лукьянов... Если на этого человека смотреть с сегодняшней точки зрения, то его первомайское поздравление Ельцину в 1988 году можно объяснить каким-либо скрытым подтекстом. Может быть, этот жест направлялся против главного патрона — Горбачева? Ему в пику или в надежде, что в грядущих «дворцовых играх» Ельцин еще может пригодиться как сильный оппонент Генсека? Что ж, для опытного законника, каковым, безусловно, являлся Лукьянов, формула «разделяй и властвуй» имела, очевидно, какой-то практический смысл. А может быть, все было совсем не так. Хотя Горбачев лично не поздравил своего товарища по перестройке, тем не менее какие-то отношения с опальным министром у него сохранились. (Поговаривали, что после октябрьского Пленума (1987), когда все члены ЦК уже разошлись, а за столом остался сидеть один Ельцин (находящийся на грани гипертонического криза), именно Горбачев подошел к нему и, подав руку, помог поверженному подняться и выйти из помещения. Символично, не правда ли: придет время, и Ельцин подаст руку Горбачеву...)

И надо сказать, что этот знак внимания со стороны бывших коллег, чем бы это ни мотивировалось, пришелся кста-

ти, хотя и вызвал у Б.Н. Ельцина двойственное чувство. Тогда же он получил приглашение участвовать в первой демонстрации, но не на трибуне Мавзолея, а внизу, где обычно группируются чиновники рангом ниже. И Борис Николаевич был на празднике вместе с Наиной Иосифовной – среди многочисленных министров, председателей бесчисленных комитетов, начальников главков, секретарей райкомов Москвы, областных комитетов и т. д.

Порой мне кажется, что еще тогда, в самом начале конфликта с Ельциным, Горбачев доверился своей фантастической интуиции и не предпринимал против Бориса Николаевича «хирургических» мер. Конечно, представить Михаила Сергеевича в роли фаталиста чрезвычайно трудно, но создавалось впечатление, что Ельцин ему зачем-то был нужен. Сначала Горбачев назначает его министром, хотя вполне мог бы «сослать» в какую-нибудь тьмутаракань послом без всяких шансов на политическое выживание. Затем, после выборов в ВС СССР, Горбачев создает специально для Ельцина Комитет по делам архитектуры и строительства. И все это делается при огромном нетерпеливом стремлении окружения Горбачева расправиться со строптивым свердловчанином. Да, Ельцин уже стал популярен в народе, его звезда понемногу поднималась над политическим горизонтом... И все равно у Горбачева было гораздо больше возможностей избавиться от Ельцина, чем у Ельцина выстоять в той ситуации.

Я снова возвращаюсь к фантастической интуиции Михаила Сергеевича: кажется, он терпел неудобного Ельцина лишь для того, чтобы в один прекрасный день и час тот подал ему руку и вытащил из ямы...

Кому нужна такая реабилитация?

Борис Николаевич прекрасно понимал силу своего личного воздействия на людей, понимал также и психологию россиян – за одного битого двух небитых дают, – понимал, что дело идет к более или менее демократическим выборам. Поэтому и мы, его окружение, осознавали, что ему просто необходим выход к широкой аудитории.

Пресса и телевидение молчали, а куца информация о нем, уходящая на Запад, была практически недоступна большинству советских людей. Очевидно, по этой причине Борис Николаевич большие надежды связывал с предстоящей партконференцией. И ставил задачу-максимум: выступить на ней и изложить то, что думает о положении в стране, в партии, а главное – воспользоваться трансляцией конференции по телевидению и донести свои взгляды до широких слоев населения. Более того, он считал, что конференция может стать стартером в его «гоночной» политической машине.

Казалось, что у него не должно быть никаких проблем с мандатом делегата конференции: он продолжал оставаться членом ЦК КПСС и по статусу мог свободно принимать в ней участие с правом совещательного голоса. Но нет, пришлось пройти сквозь сито выборов, и те, кто организовал конференцию, сделали все возможное, чтобы Ельцин не очень-то обольщался своим членством в ЦК.

Сначала его хотели выдвинуть свердловчане, но манипуляторы от аппарата дело повернули так, что он стал делегатом от... Карелии. Тут была небольшая, но существенная интрижка: свердловская делегация должна была находиться в зале в первых рядах, откуда рукой подать до трибуны. Делегацию же Карелии планировали «поднять» на балкон – своего рода Камчатку, прорваться с которой к трибуне было почти нереальным делом. И тем не менее Борис Николаевич принял предложение Карелии и был занесен в список делегатов от нее. Не согласись он на это – прощай, конференция, и те надежды, которые он с ней связывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.